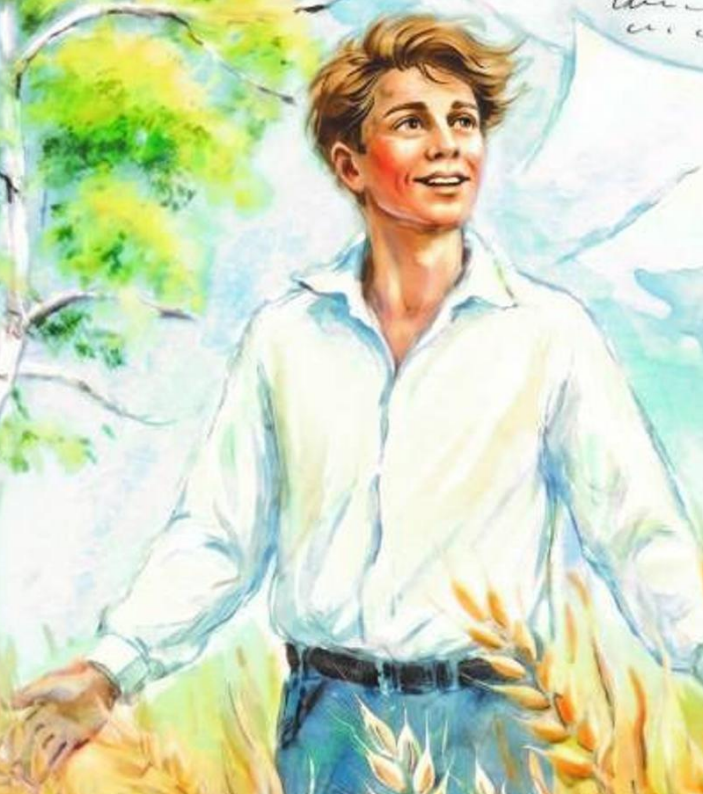

Иван ДАНИЛОВ

Душу всю открытою

18+

Иван Данилов
Душу всю открою

«Автор»

2026

Данилов И. Н.

Душу всю открою / И. Н. Данилов — «Автор», 2026

Свою новую книгу автор полностью решил посвятить поэзии. Под одной обложкой собрано более 150 стихотворений, написанные в разные годы. Здесь читатель найдёт пейзажную лирику, раскрывающую необычайную красоту Дальнего Востока, его уникальную природу. Нашли место в сборнике трогательные зарисовки о Сахалине, где автор прожил почти 40 лет. Немало произведений посвящено матери, своей любимой, самым дорогим и близким людям. Заметное место отведено военной тематике. Немало стихотворений носят патриотический характер и ярко отражают гражданскую позицию автора.

© Данилов И. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

К ЧИТАТЕЛЮ	6
Сахалин	11
Сахалинское утро	14
На берегу Татарского пролива	15
Вечер	16
Лесная красавица	17
Рождение	19
В забое	20
Вербное воскресенье	21
Весна	23
Рябиновый вальс	24
Судьба	26
Бошняковский маяк	27
Углегорск – моя судьба	29
Чехов	30
Синица	32
Надо жить!	34
Безнадёга	37
Мою печаль не утолить	38
О друге	40
Школьная фотография	42
ВРЕМЕНА ГОДА (цикл)	44
Февраль	46
Март	47
Апрель	48
Май	50
Июнь	51
Июль	53
Август	55
Сентябрь	56
Октябрь	57
Ноябрь	59
Декабрь	60
Читая Э. Асадова	62
Юность	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Иван Данилов

Душу всю открою

*Рождѣнным в Советском Союзе,
моим славным соотечественникам,
стойко пережившим потерю своей
родной страны и утрату дорогих
сердцу идеалов, но не потерявшим
стремление и жажду к насыщенной и
полноценной жизни, а также ставшим
настоящей опорой и надеждой новой России,
посвящается*

К ЧИТАТЕЛЮ

«Душу всю открою» – так назвал свою новую книгу дальневосточный поэт Иван Данилов. Заглавие сборника как нельзя лучше отражает его содержание: душа Ивана Данилова, по-есенински нежная, лирическая, песенная, рождает стихи такие славные и тёплые, что они становятся родными и созвучными каждому читателю. Один хабаровский поэт-рязанец, мой незабвенный друг, сказал однажды: «И всё-таки поэт должен быть добрым». Я абсолютно с ним согласна. В нашем, как сейчас принято говорить, турбулентном мире, как всегда, недостаёт, прежде всего, доброты и человечности. Души наши нуждаются в исцелении. Что же поможет страдальцам, если не Молитва и Поэзия? На них вся надежда. Так вот, поэзия Ивана Данилова обладает именно такой согревающей, целительной добротой, светом, душевностью.

Иван Николаевич Данилов – уроженец Горьковской области, но вся судьба его, начиная с детства, неразрывно связана с Дальним Востоком. Писатель, поэт, журналист, автор шести совершенно разноплановых книг (историко-документальная проза, повести, рассказы, сказки для детей, стихи), не представляющий свою жизнь без творчества, он щедро делится талантом, опущенным ему Богом, с людьми.

«Я погоны мальчишкой надел», – пишет поэт в одном из стихотворений. Прошедший путь от рядового до подполковника, Иван Данилов сохранил светлое, нежное восприятие жизни во всех её проявлениях, хотя, казалось бы, суровая действительность не всегда располагает к лирическим изыскам. К счастью, есть люди, способные среди житейской суевы и нагромождения проблем различать все оттенки Света и находить прекрасное в очевидном и привычном.

«Поэт – божья дудка», – сказал в своё время С.А. Есенин. Множество людей пройдёт-пробежит поспешно мимо рябины, растущей у обочины, а поэт увидит в этом дивную картину:

Багрянцем рябин запылал небосвод,
И встали деревья, шепчась, в хоровод.
Или:
На южном склоне сопки, на проталине
Красавица рябинушка стоит.
И за её тонюсенькую талию
Прохожий всякий взяться норовит.

Для каждого мгновения, каждого кадра этой непрерывно меняющейся жизни Иван Николаевич находит новые, неповторимые краски:

Иду по утренней росе,
Чувств не скрываю.
И мир во всей его красе
Приоткрываю.
Ромашек белый хоровод –
Ну точно свадьбы.
Гляжу внимательно вперёд –
Не растоптать бы.
Мохнатый шмель, как вертолёт,
Застыл в полёте.
В цветах упрямо ищет мёд.

А вы найдёте?
Новорождённый лист блестит,
Как на картинке.
К нему воробышек летит
Испить росинки.
Душа без музыки поёт,
Начало лета.
Земля и солнцем, и душой
Моей согрета.
(«Июнь»)

Всё мило и дорого поэту Ивану Данилову. Человек большой души, для каждого стебелёчка и каждой букашечки он находит добрые и нежные слова. А уж для милой женщины и подавно. Строки Данилова, адресованные любимой, каждая девушка мечтала бы услышать в свой адрес. Русский человек если уж любит – то любит, без остатка отдавая себя. Любит природу, женщину, жизнь, Отчизну... Ведь Иван Николаевич Данилов – не просто безмятежный созерцатель и певец, у него всегда есть собственное мнение о всех происходящих событиях, чёткая гражданская позиция. Для него Родина – не точка на бумаге. А от его стихов, посвящённых военным действиям разных периодов, встаёт ком в горле.

Откуда такая сила, из каких родников испита? Верность традиции – вот имя этой силы. Мощь и красота поэзии на пустом месте не вырастают.

Духовный багаж И.Н. Данилова копился великой русской литературой веками, чтобы наполнить его поэтический дар чистотой, искренностью, глубиной. Всех своих любимых учи-

тает, боготворит, переживает заново трагические их судьбы. И если Иван Николаевич в стихотворении «На месте дуэли Лермонтова» говорит:

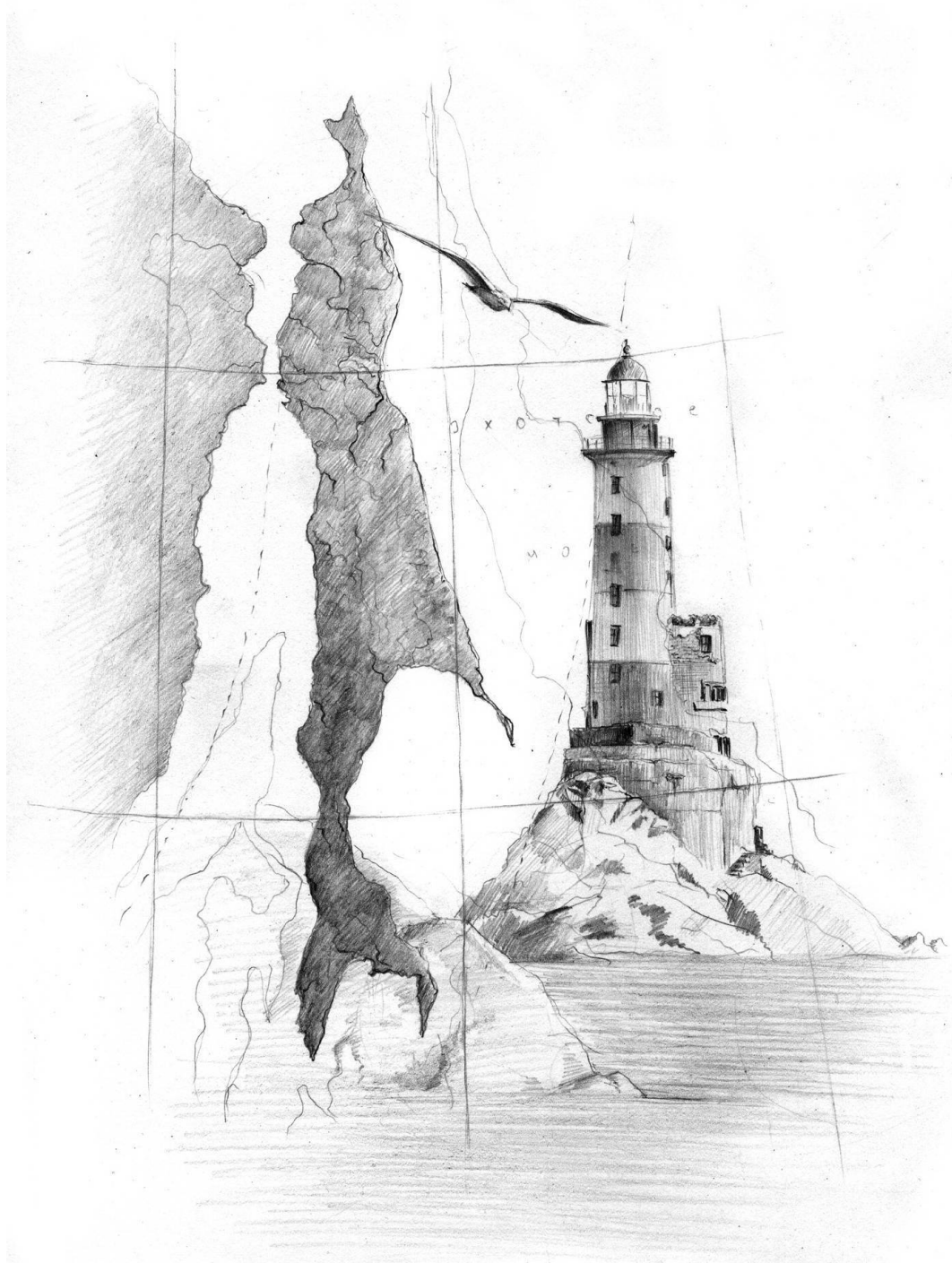
Преклоняю колено
И слёзы глотаю украдкой, –

то будьте уверены: это не поэтический приём, не метафора, а искренние чувства. Когда читаешь стихи Данилова, веришь каждому слову, потому что всё в них взаправду.

Сильный и честный поэт, добрый, щедрый, любящий и твёрдый мужчина, – перечисленные черты присущи настоящему, надёжному русскому человеку. Поэтому в стихах Ивана Данилова читатель любого возраста, любой социальной группы найдёт строки, написанные именно для него. Поэт, ведомый Богом и Любовью, – только такой поэт может проторить путь к сердцу каждого человека.

Ирина Комар,
член Союза писателей России

Сахалинские мотивы

9

Сахалин

В ожерелье снежных сопок,
В алом зареве рябин,
На заре российских тропок
Распростёрся Сахалин.
И суров, и хмур, и ласков,
Он порой на солнце скуп.
То в дожде холодном, пляском,
То закутанный в тулуп.
Продуваемый норд-остом,
С горьким запахом волны,
Распростёрся чудо-остров
На четыре стороны.
Он и пахарь, и геолог,
И рыбак, и лесоруб...
По-отечески мне дорог,

По-сыновнему

мне

люб.

* * *

Так снежно лупят по глазам
Порывы ветра,
Что не видать дороги нам
И на три метра.
Опять здесь властвует тайфун –
Вот непоседа.
А у меня барометр врун
И у соседа.
Бредём устало мы опять,
Куда не зная.
А дома нас устали ждать,
Часы считая.
Вот слышим: стонут провода
В порыве гнева.
А по пятам идёт беда
И справа, слева...
Кипит, ломаясь тут и там,
Морская кромка.
И по нехоженным местам
Метёт позёмка.
По сообщениям газет –
Одни невзгоды.
Лишь в песнях у природы нет
Плохой погоды.

Сахалинское утро

На самом краешке России
Встречаю радостно рассвет.
Просторы дальние морские
Мне шлют просоленный привет.
«Привет! – и я кричу с задором. –
Ведь есть же в мире благодать!»
«Какое счастье, – чайки вторят, –
Рассветы на море встречать!»
В туманной дымке утопают
Мосты, машины, города.
И очень мне напоминают
Дворцы из воздуха и льда.
Под тихий шепоток прилива
С ума сойдёшь от красоты
Окрест Татарского пролива,
Его небесной наготы...
Но лишь коснётся яркий лучик
Прибрежной полосы седой –
Исчезнут с горизонта тучи,
Сольются с голубой водой.
И сразу всё преобразится...
Эгей, вставай скорей, страна!
Пока рассвет придёт в столицу,
Верши великие дела.

Размеренна и величава
Судьба родившегося дня.
Какой его отметим славой,
Зависит также от меня.

На берегу Татарского пролива

Туман окутал сопки и долины,
Всё утонуло в зыбком молоке.
Июнь – к концу. А здесь, на Сахалине,
Без куртки – ни на рынок, ни к реке.

Суровый край, он помнит много судеб.
Кто прожил тут безвыездно лет пять,
Тот остров ни за что не позабудет
И будет бесконечно вспоминать.

И не туманы вовсе, уверяю,
В душе у беглеца оставят след,
А люди. Братство верное теряя,
Поймёшь, надёжней сахалинцев всё же – нет.

А как забудешь, если довелось
Однажды в жаркий полдень у ручья
Увидеть чудо: рунный ход лосося,
Приплывшего опять в свои края.

Спешащего скорей отнереститься,
Всё обойдя: блесну, подсечку, сеть,
Чтоб добровольно с родиной проститься,
Спокойно, обессилев, умереть.

...На берегу Татарского пролива,
Вдали от шума и столичных драм,
Живу и я, по-своему счастливо,
Лишь изредка грущу по вечерам.

Вечер

Раскалённый солнца шар
Тяжко в море опустился,
И потух лесной пожар,
Что на сопках золотился.
Тут же в море корабли
Краны-руки опустили
В чёрной угольной пыли,
Чтобы их слегка отмыли.
Загорается пролив,
Словно город фонарями,
Гладь холодную облив
Разноцветными огнями.

* * *

Кряхтит простуженно берёзка,
Дрожит всем телом на ветру.
А я страдаю у окошка,
Помочь бедняжке не могу.
Я сам такой же – беззащитный.
И, убежав от сквозняка,
Иду, ветрам любым открытый,
Вот потому и жив пока.

Лесная красавица

На плечи шаль небрежно брошена
Из изумруда и огня.
И юбка малость припорошена.
Видать, ты заждалась меня.

Ну, здравствуй, милая красавица.
Замёрзла? Да, похоже, нет.
Твой строгий стан давно мне нравится.
Наверно, с самых юных лет.

Так близ тебя мне славно дышится,
Что чувств моих – не передать!
А в дуновенье ветра слышится
Напев, что пела в детстве мать.

От топора и взгляда лютого
Я убережь тебя смогу.
Давай-ка лишь ещё укутаю
В пушистом голубом снегу.

* * *

Который день всё дует, дует –
Что ни проехать, ни пройти.
Природа будто негодует
И заметает все пути.
И всё же верю, очень скоро
Сквозь пелену косматых туч
На сахалинские просторы
Прорвётся солнца яркий луч.

Рождение

Мой рабочий, горняцкий посёлок
С трёх сторон сопками сжат.
Здесь когда-то суровый геолог
(Уж, наверное, сто лет назад)
Молвил вещее слово это:
– Берегите свой край родной.
Нет богаче его на свете,
Хоть ещё пять Америк открой.
Что ни речка – то рыбы вдоволь,
Что ни озеро – благодать.
Правда, он и слезою вдовьей,
И острожной слезой богат...
Напой, молодуха, квасом,
Не об этом веду я речь:
Рыбу с красным да белым мясом,
Зверя здешнего как сбережь?
И источники эти по взморью,
Что и в стужу – с горячей водой?
Опускаешься – с тяжкой хворью,
Выбираешься – молодой!
Где снега, как тулуп нагольный,
На остывшие сопки легли,
Видел уголь я чёрный, беззольный,
Всего в двух вершках от земли.
Быть посёлку здесь, не иначе,
Уголь – это тепло и свет...
Быть посёлку! А это значит –
Быть и мне через сотню лет...

В забое

В забое слабых – точно нет.
И за семь бед – один ответ.
И про стахановский рекорд не забывают.
Ладоням так же горячо,
А рядом – верное плечо.
И каждой тонне уголька здесь цену знают.

Нет мелочей для горняка.
Он сделал всё наверняка.
Он твёрже, чем сама порода.
В опилки крошится металл,
А самый главный враг – метан –
Его стреножит, притаясь, у входа.

Шахтёр шагнул в земную твердь
Уж не за тем, чтоб умереть.
Он помнит, что его ждут дома.
Настала важная пора –
Поднять добычу на-гора.
И вместо усталости в глазах истома.

За благородный тяжкий труд
Его «вельможею» зовут.
Всё потому, что зачастую пашет лёжа.
Но у меня другой ответ:
Надёжней труженика нет.
Как, впрочем, благородней тоже.

Вербное воскресенье

Ещё снега лежат кругом,
Ещё метели завывают,
А христиане – всем селом
Весну-красавицу встречают.

Гулять в России – так гулять!
Пошла по кругу с брагой кружка,
Смотри – все начали плясать,
Заголосила в такт частушка.

Иные аж до хрипоты
Готовы петь. Что ими движет?
От их душевной теплоты
Сугробы даже стали ниже.
Над избами дымок кружит –
В стряпне и матери, и дочки.
И всякий радостно глядит
На вербы жёлтые комочки.
Душа смеётся и поёт,
Не ведая: где быль, где сказка.
Но праздник только лишь грядёт –
Через неделю будет Пасха.

Весна

На южном склоне сопки, на проталине
Красавица рябинушка стоит.
И за её тонюсенькую талию
Прохожий всякий взяться норовит.

Но что же ты, рябина, невесёлая?
Ты посмотри – и к нам пришла весна.
Придёт пора, и справишь платье новое,
И будешь всех опять сводить с ума.

Но знаю, для меня лишь слово нежное
Найдёшь и красотой обворожишь.
В тени своей в жару укроешь бережно
И тайну встреч навечно сохранишь.

Расправь же свои плечи онемелые
И зимний сон подальше прогони.
Соседушки твои – берёзки белые
С улыбкою встречают эти дни.

Ну а под снегом ручейки, рождаясь, шепчутся. Наверно, уточняют свой маршрут
В надежде, что их праздничное шествие
Давно в низинах с нетерпением ждут.

Всё пробуждается, настал и твой черёд.
Освободись скорее ото сна.
Вон видишь, солнышко румяное встаёт,
И к нам с тобою вновь пришла весна.

Рябиновый вальс

Багрянцем рябин запылал небосвод,
И встали деревья, шепчась, в хоровод.
Всей роще теперь до утра не уснуть,
Ведь завтра скворцы отправляются в путь.

Как жалко рябине терять свой наряд.
Тогда уж пусть бусы всю зиму горят!
А птицам лесным, если станет невмочь,
Она и в морозы сумеет помочь.

Рябиновый вальс закружил над селом.
Окрепший птенец помахал мне крылом.
Под тихие звуки и слёзы дождя

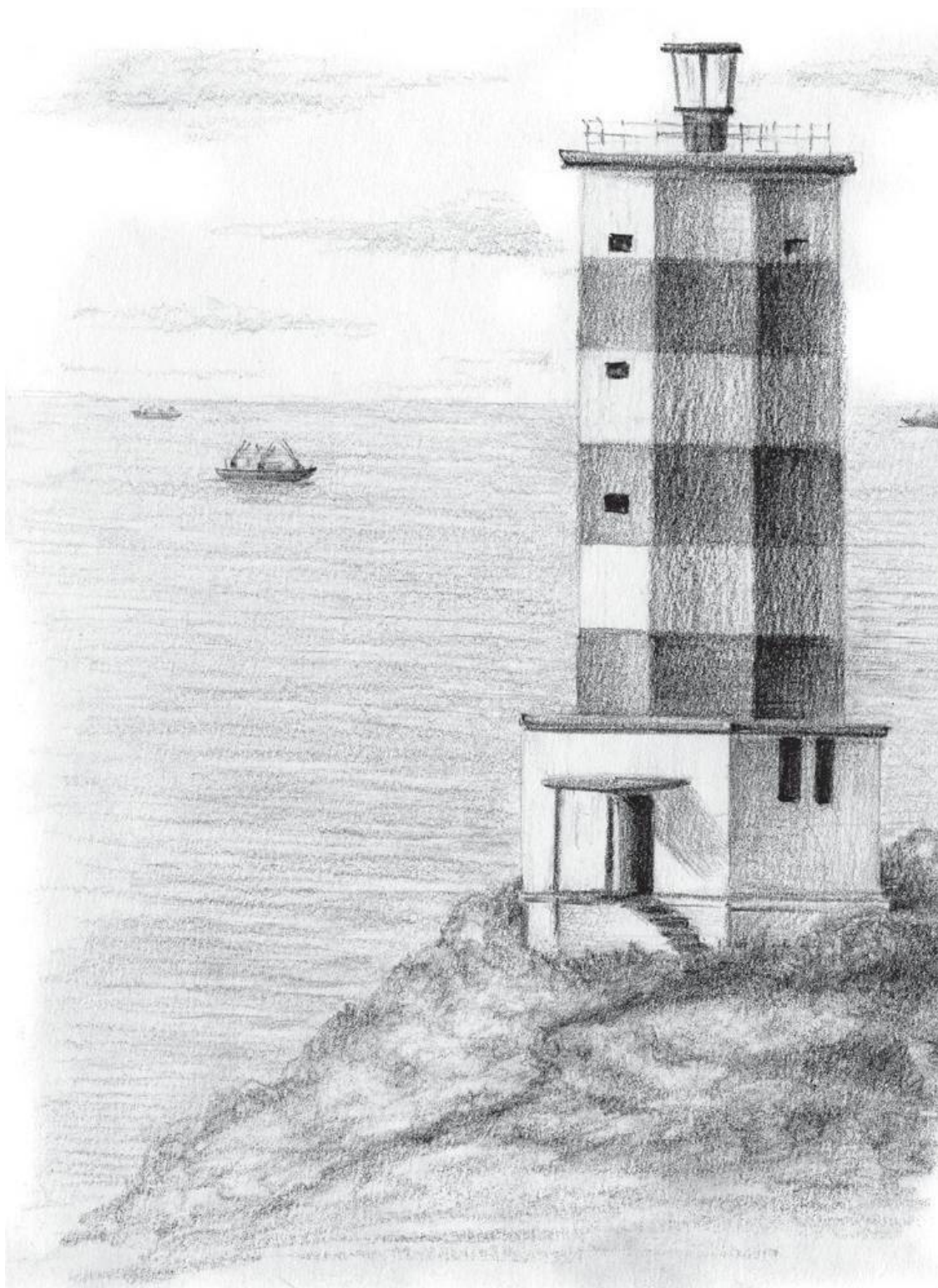
В босоное детство вальс уносит меня.

Судьба

На борт устало поднимаясь,
Никто не мог предугадать,
Что самолёту жить осталось
Минут лишь двадцать – двадцать пять.
А там... Представить даже страшно.
Кого теперь во всём винить?
И надо ли? Другое важно:
Уж никого не воскресить.
Большая братская могила –
Святыня тех таёжных мест.
Земля давным-давно остыла,
Но крепок деревянный крест.
Судьба. Весь быт наш ею скован.
И мой прервётся где-то след...
Никто, никто не застрахован
От катастроф, аварий, бед.
Вот потому поверить чуду
Стараюсь, отправляясь в путь.
И не забуду, не забуду
На Матерь Божию взглянуть.

Бошняковский маяк

Словно царь, а быть может, и Бог,
На посёлок он сверху взирает
И средь тысяч житейских дорог

Верный путь отыскать помогает.
Смут не ведает и передряг,
Светит сам, не кому-то в угоду.
Он, как мы, из породы трудяг –
Курс укажет в любую погоду.
И под скрежет ветров штормовых
В наши души надежду вселяет.
Он горою стоит за живых,
Он и мёртвых покой охраняет.

Углегорск – моя судьба

Мне морской прибой ласкает руки,
И пьянит душистый иван-чай.
Ни за что не выдержу разлуки,
Если вдруг уеду невзначай.

Углегорск, ты стал моей судьбою.
Я – частица малая твоя.
Неразлучны мы навек с тобою,
Островная щедрая земля.

За дождём вдруг налетела вьюга,
Трое суток сыплет снегопад.
Всё равно не бросим мы друг друга.
Не страшны ни ливень нам, ни град.

Расплескалось солнце по долинам,
Теплотой наполнилась листва.
Благодать стоит над Сахалином.
Дорогие с детства мне места.

Чехов

Приятно мне осознавать,
Что в те далёкие години
Могла и здесь нога ступать
Мастерового медицины.
Отрадно также вспомнить мне,
Что сахалинские морозы
Не напугали там, в Москве,
Отца лиричной русской прозы.
Всех ошарашивший тогда,
И вопреки всем уговорам
Сказал он:
– С Богом, господа!
Поеду я к иным просторам –
Узнать, чем дышит, как живёт
Российский люд на Сахалине,
Что ест, когда и сколько пьёт,
Какие выдумал святыни.
Надвинул шляпу, взял пенсне,
Медикаменты в саквояже
И двинулся – по всей стране –
В купе и тарантасе даже.
Вот позади и города,
И древнерусская равнина.
И думал он:
«Нет, господа,
Мы всё ж не знаем Сахалина».

Синица

Выйду за ограду,
Нынче мне не спится.
...Вдруг с небес в награду
Бог послал синицу.

Скок да скок пичужка,
На ладонь уселась.
Стать моей подружкой,
Видно, захотелось.

Что ж, я рад безмерно.
Приглашаю в сенцы.
– Голодна, наверно?
На, покушай хлебца.

В варежке овечьей
Посиди, погрейся.
А потом уж гречей
Сладкой разговейся.

Обмануть не смея,
Всем делюсь с тобою.
Как птенец, робея,
Душу всю открою.
Щебетать для виду
Оба не умеем.
Ну а вместе зиму –
Точно одолеем.

Надо жить!

Тоскует женщина все дни,
Печальная по дому ходит.
И молит сына: позвони,
Ведь письма, видно, не доходят.

Моя кровинушка! Тебя
Я ждать, поверь, не перестану.
С твоим я фото лягу спать
И с ним же одиноко встану.

И буду целовать уста,
Безмолвные, почти чужие.
Страшась казенного листа,
И видеть строки роковые.

«Крепитесь. Сына больше нет.
Погиб. Нелепая случайность...»
А было сыну двадцать лет.
Детей и внуков не осталось.

Тоскует мать, всё сына ждёт
И верит обречённо в чудо.
Но сын к ней больше не придёт –
Не возвращаются ОТТУДА.

Застыл в окошке строгий взгляд.
Рассыпались седые пряди.
Как много в жизни скорбных дат...
Но жизнь дана нам светлых ради.

* * *

Нация спивается. Да, верно.
Я, скажу вам, тоже не святой.
Сколько себя помню уж, наверно, –
Всюду водка и всегда – рекой.

День рожденья, проводы, обнова,
Баня, в долг, с полочки, просто так...
А наутро смотришь, уже снова
Все сшибают деньги на «черпак».

Горбачёвский бзик я помню тоже:
Очередь одна на всю страну.
Журналист, студентка, кто-то в коже –
Все берут по три, а не одну.

Как кошмар, как горькое похмелье,
Всякий вспоминает тот почин.
Отучить Россию-мать от зелья
Не способен даже высший чин.

А сегодня и в «комках», и в лавках
«Русская», «Кремлевская», «Смирнофф».
От крутых и до бродяг в заплатках
Пьют, как говорится, будь здоров.

Вся страна спивается. До скотства.
Если ж обо мне, то я б не пил,
Но смотреть на эти вот уродства
Трезвому – ну просто выше сил!
1985

Безнадёга

Замерзает горняцкий посёлок –
Не бывает нелепей вестей.
А шахтёру день кажется долог,
Как согреть ему малых детей?
От «буржуйки» на кухне лишь жарко,
Ну а в детской дыхни – валит пар.
Вот к соседу примчалась «пожарка»,
На неделе уж пятый пожар.
А сосед, как всегда, на работе –
Не за деньги, за слёзы, за чих –
Тишина снова в нашем болоте,
Ветер снял сверху пену и стих.
Даже Бог нас как будто бы бросил –
Выплывает как может народ.
Лодка – вдребезги, нет даже вёсел,
А обломки на камни несёт.
Малый шторм... и останется в прошлом
Всё, чем предки гордились мои.
И, признаюсь, особенно тошно
Оттого, что не видно земли.
А посёлок меж тем умирает.
Безнадёга уж в каждой избе.
Только ветер шальной завывает
Тоже в мёртвой, остывшей трубе.
1990

Мою печаль не утолить

Мою печаль не утолить,
Поскольку нету горя горше.
До основанья развалить
Для них – лишь вежа. Надо больше:
В крови и злобе утопить
Страну от края и до края.
А нам надеждой только жить,
Куда же заведёт кривая?
Мою печаль не утолить,
Как не залить мне душу водкой.
Своё Отечество любить
Я буду даже за решёткой.
Хоть не желал, конечно бы,
Я там когда-то оказаться.
Но от сумы и от тюрьмы
Нельзя в России зарекаться.
Мою печаль не утолить.
И что из этого, ну что же?
Мне тяжкий грех всю жизнь носить:
Ведь я в той партии был тоже.
Гляжу с тревогой на экран:
Идёт войною брат на брата.
И сердце корчится от ран,
Как будто тоже виновато.
1991

* * *

Многих нет сегодня и в помине,
Кто со мною жил на Сахалине.
В Новгород, в Уфу и в Петербург
Все они переметнулись вдруг.
Но я их совсем не осуждаю,
А кого-то даже уважаю.
Среди них – и пешек, и ферзей –
Есть немало и моих друзей.
Если убегают с Сахалина,
Значит, есть весома причина,
Если всё бросают за пятак,
Значит, что-то в обществе не так.
Щедрая, богатая земля
Умирает тихо, не скуля.
А сыны её, кто в здравии и силе, –
Врассыпную. Аж по всей России.

Видно, скоро каторгой опять
Этот остров станут называть.
Ну а нас, с большой дырой в кармане,
Нарекут как прежде – «каторжане».

1992

О друге

Жизнь – не асфальт,
Накатанный и гладкий.
Рюрик Ивнев

Ссоры, вздоры, передряги,
Злая бабья спесь
Хуже редьки для бедняги –
Как не надоест?
Душу сушат постепенно,
Словно червь – сосут.
Он устал, идёт со смены,
А его не ждут.
Как всегда, вздохнёт украдкой,
Посидит внизу,
Развалившейся трёхрядкой
Выгонит слезу.
И наверх, ссутулив плечи, –
Шить, варить, стирать.
Ни к чему хмельные речи
Слушать да стонать.
Нет хозяйки в доме мрачном,
Сыну нет утех.
Собутыльниц дым табачный
Ей милее всех.
Скажет сыну он:
– Иваныч, погрустим вдвоём.
И задумаются на ночь
Каждый о своём.
Не асфальт, а бездорожье
У него судьба.
Скажешь, быть того не может?
Приезжай сюда!

Школьная фотография

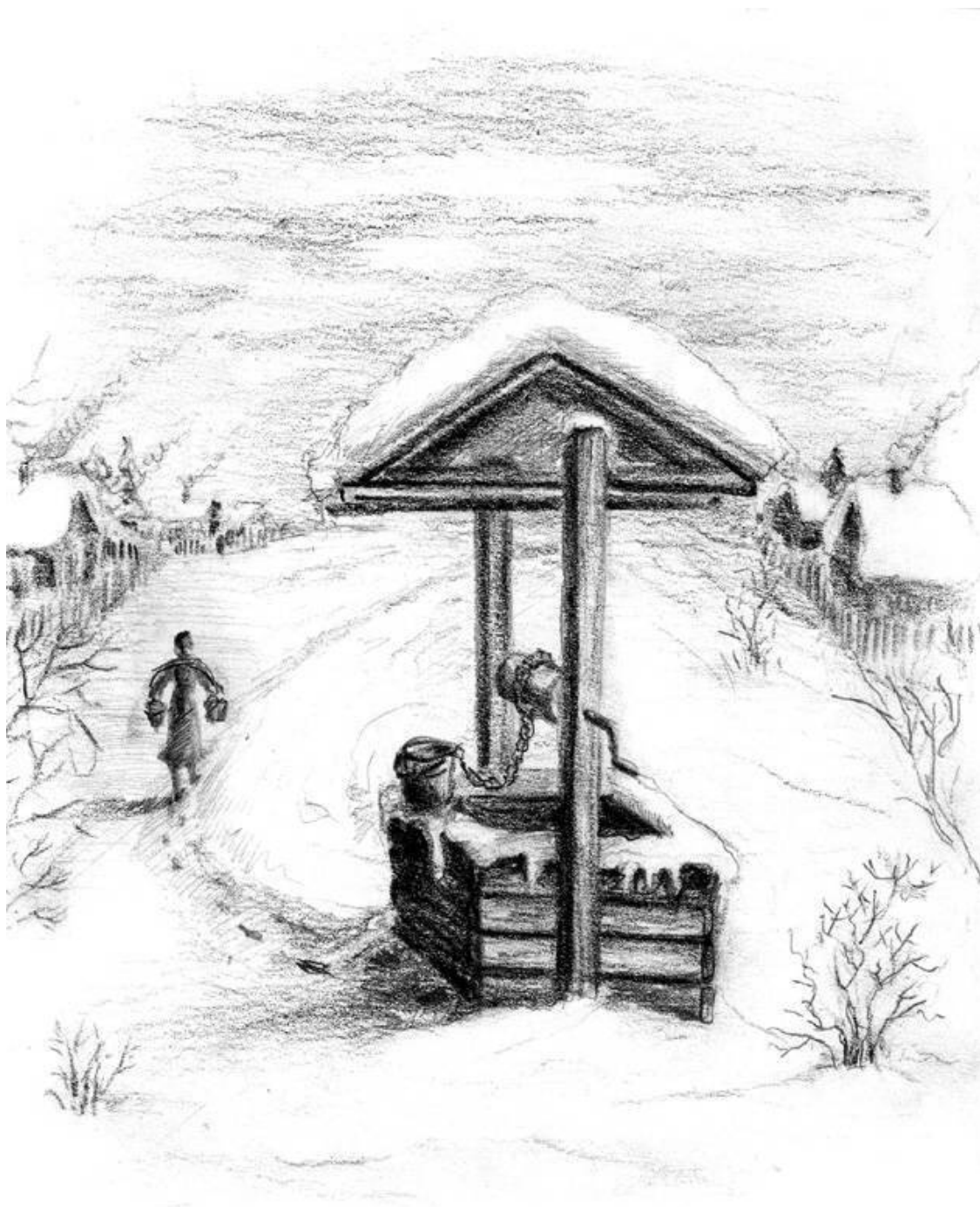
Мой сын меня на фотографии узнал
И пальцем вдруг на галстук указал:
– Ты разве тоже пионером был
И дружбу с Павликом Морозовым водил?..
В глазах – не то улыбка, не то – стыд?
Да и вообще какой-то жалкий вид.
Взглянул с опаской сын в глаза мои
И выдавил: – Ну ладно, извини. –
И отошёл. Включил магнитофон.
Так и не понял, что ж наделал он.

А я остался, но закрыл альбом,
Хоть столько дорогого было в нём.
Я силился понять и всё не мог:
Неужто сын и вправду так далёк
От тех, семидесятых? Что за бред!
Прошло всего каких-то двадцать лет.
А впрочем, кто же станет отрицать –
Год перестроечный считается как пять.
Но не вперёд. Конечно же – назад.
(Помножим десять на пять – пятьдесят.)
...Опять война, разруха. Всё как есть.
И в то же время – шик, обжорство, спесь.
Два мира. Очень разных и чужих –
От нищих лишь два шага до крутых.
Неподалёку, где-то на краю,
Найдёте, верно, и мою семью.
Не ходят дети у меня с сумой,
Но ужин, честно, очень скуден мой.
Ну ладно, Бог с ним, с ужином. Меня
Сейчас волнуют больше сыновья.
Что всё же они знают обо мне?
Тем паче – о своей родной стране?
Историю, ну чуть не каждый день,
Вымарывают все, кому не лень.
Страницами и главами – долой.
Вчерашних звёзд – поганую метлой.
А на героев – этих бедолаг –
Все вешают и кошек, и собак.
Да так, что вскоре сам не разберёшь:
Где правду говоришь, где тоже – врёшь.
Морозовы: и Павлик, и Трофим.
Я с болью отношусь к обоим к ним.
Сын на отца – российская печаль.
Не только их, но и себя мне жаль...

Я целый вечер просидел в тиши.
Но что ответить сыну – не решил.
Убрал в комод потрёпанный альбом,
Не досмотрев, оставив на потом.

ВРЕМЕНА ГОДА (цикл) Январь

Крепчает лиходей-морозец,
За уши щиплет и за нос.
Безмолвно стынущий колодец
И тот весь льдинами оброс.
На окнах вызвездило иней,

А под ногой поёт снежок...
Как радостно в морозной стыни
Услышать милой сапужок.
Пускай судачат: малый прыткий...
Непостижимо, как судьба,
К заветной узенькой калитке
Ведёт по-прежнему тропа.
И ни насмешки, ни угрозы
Не испугают паренька,
Ведь и в крещенские морозы
Так горяча его рука.

Февраль

За двое суток месячная норма
Обрушилась на головы с небес,
Дороги нет, сиди-ка лучше дома,
Чаи гоняя с сахаром и без...
Но не дают покоя сообщенья
О людях, оказавшихся в плену.
Покуда не придёт к ним час спасенья,
И я в постели тёплой не усну.

Март

Чем-то дети так увлечены,
Что-то режут, клеят что-то сами.
Сняли два портрета со стены,
Видно, что сюрприз готовят маме.
Папа их затее очень рад,
Тоже незаметно помогает.
Даже кот, который день подряд
За собою двери закрывает.
Всё почти готово. Только ведь
До восьмого целых два денёчка.
«Как же эту тайну сохранить?» –
Мучаются страшно сын и дочка.

Апрель

Стою тихонько у пригорка,
А сердце плачет и поёт.
Внизу родная Углегорка
Свои оковы с шумом рвёт.
...Ах, как над нею ворожили
Бродяга-ветер и мороз.
Метели вороньём кружили,
Ломая заросли берёз.
И одолели. Разве можно
С такою силой совладать,
Когда и реку им несложно
В хрустальный панцирь заковать?
Но вот обратная картина:
Сломав и вздыбив тонкий лёд,
Река к Татарскому проливу

Бежит, торопится вперёд,
Завалы из камней и брёвен
Сметая на своем пути...
И как бы ни был путь неровен,
Ничем её не сбить с пути!

Май

Погода очень переменчива.
Рыбак, прошу, поберегись.
Вон даже бухта Изъльметьева
Бухтит, вздымая волны ввысь.
Чудна природа сахалинская:
То солнце, то туман, то дождь,
То пудра снежная, искристая.
Как одеваться – не поймёшь.
Мир День Победы шумно празднует,
А в Углегорске снег с дождём.
Погода нас совсем не радует.
Но мы свое ещё возьмем.

Июнь

Иду по утренней росе,
Чувств не скрываю.
И мир во всей его красе
Приоткрываю.
Ромашек белый хоровод –
Ну точно свадьбы.
Гляжу внимательно вперёд –
Не растоптать бы.
Мохнатый шмель, как вертолёт,

Застыл в полёте.
В цветах упрямо ищет мёд.
А вы найдёте?
Новорождённый лист блестит,
Как на картинке.
К нему воробышек летит
Испить росинки.
Душа без музыки поёт,
Начало лета.
Земля и солнцем, и душой
Моей согрета.

Июль

На Покосной снова народ –
«Серебрянка» с моря зашла.
Третью ночь без продыху прёт –
Видно, рада, что дом нашла.
«Ай да рыба!» – не устану твердить.
Не в пример, конечно, всем нам.
Чтобы род свой рыбий продлить,
Столько шла к родным берегам.
Шла на нерест, обходя корабли
И длиннющие от них невода.
Шла и знала: есть речушка вдали –
Мёртвая в ней и живая вода.

Всюду враз шиповник расцвёл –
Так встречает эту рыбу земля.
Вишь, инстинкт её опять не подвёл,
Знать, молился за неё я не зря.
На Покосной снова народ –
Выехал водчонки попить.
Случая удобного ждёт,
Чтоб горбуши заодно наловить.

Август

Лето сахалинское в разгаре.
Лучший месяц, может быть, в году.
Нет ни комаров, ни прочей твари
Ни на море, ни в моём саду.
Солнце светит ласково и ярко:
Бегай, прыгай, плавай, загорай.
В самый раз – ни холодно, ни жарко.
Просто чудо-остров, чудо-рай.
Незаметно ягоды поспели,
Только не ленись, честной народ.
Да поторопись, ведь шепчут ели:
«Не тайфун ли к нам сюда идёт?»
Господи, помилуй сахалинцев.
«Филлисов», прошу, не посылай.
Пусть как можно дольше сохранится
Этот чудо-остров, чудо-рай.

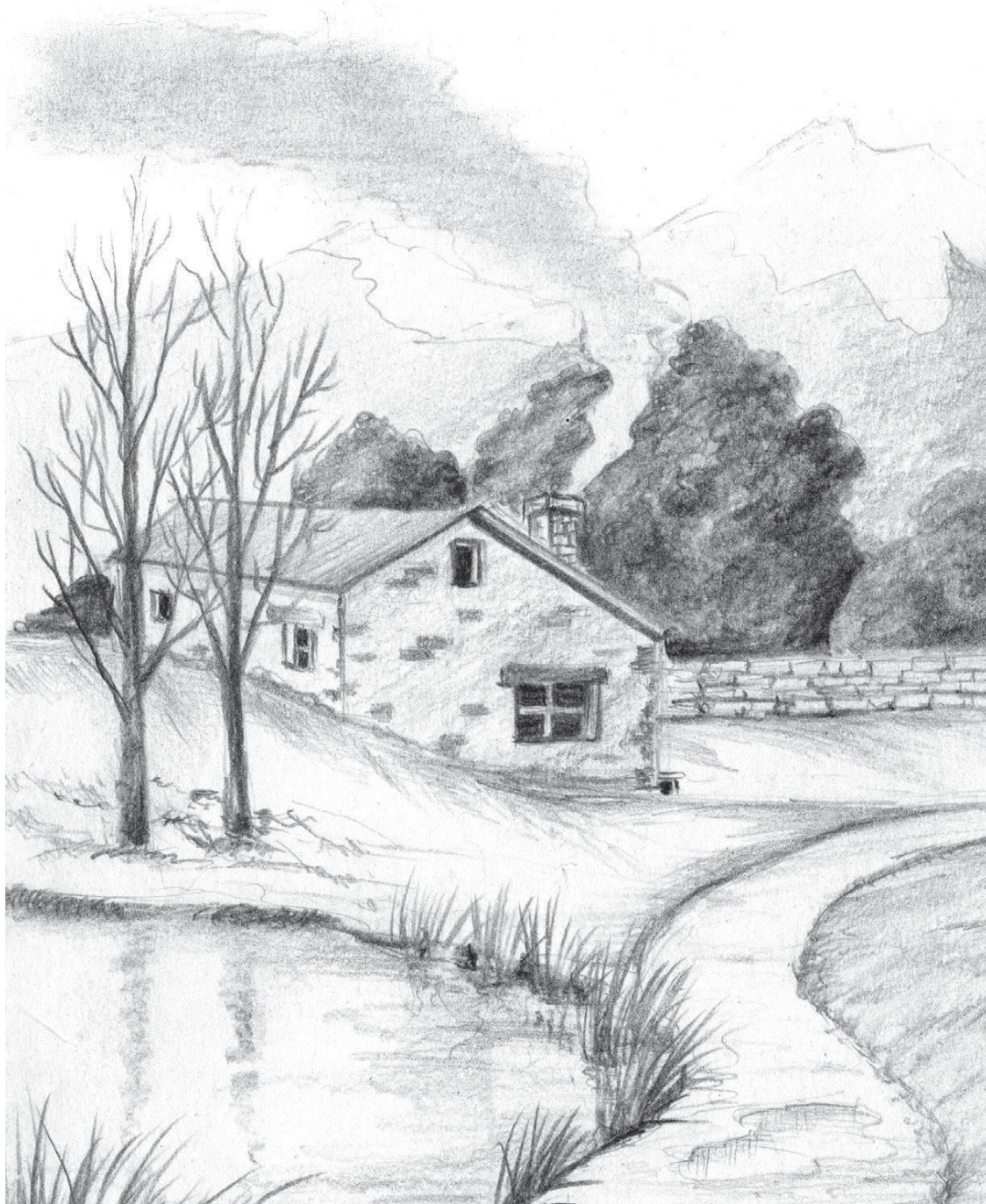
Сентябрь

У мальчишки по спине холодок,
А глаза от счастья горят –
Вот он, первый школьный звонок
И учителя внимательный взгляд.
Утопает школа в цветах,
Радости и взрослым не скрыть.
Добрые слова на устах.
Как же здорово их людям дарить!
Школьная настала пора.
По утрам на лужах ледок.
Космонавты, маляры, доктора –
Все боятся опоздать на урок.

Октябрь

Голубые сентябрины
Мёрзнут за окном.
Я к себе на именины
Приглашу их в дом.
Усажу на видном месте,
В вазе на столе.
И пускай с друзьями вместе
Радость дарят мне.
В душевном разговоре
Ну хоть на часок
О своём забудет горе
Каждый лепесток.
А кому тепла не хватит,
Позову к огню,
И его, как сына, значит,
К сердцу прислоню.
Время даром не тяните,
Всех прошу о том:
Кому трудно – приходите
В мой счастливый дом.

Ноябрь

Ветер воев в проводах – просто жуть.
Чьи-то тени в свете фар на стене.
Ребятишкам допоздна не заснуть.
Беспокойно стало что-то жене.
Холода пришли, опять холода,
Днём и ночью грусть гуляет в доме.
«Стынет ночью в вёдрах вода», –
Дед кряхтит, и всё не спится ему.
Запоздалый крик застыл в небесах.
Жалко выглядят слепые дома...
Не охрипла лишь кукушка в часах –
Ей до лампочки, что завтра зима.

Декабрь

Лишь солнце спряталось за крыши,
Похолодало как-то вдруг.
И будто даже стало тише –
Печать безмолвия вокруг.
Застыли реки и озёра,
Осиротел продрогший сад.
Вокруг, насколько хватит взора,
Столбы навьтяжку стоят.
А за калитками сугробы
Прижались спинами к домам.
Они хотят, наверно, чтобы
Теплее ночью было нам.

Полыхаю от большой любви

45

Читая Э. Асадова

Дождь со снегом. Холодно и зябко.
Все спешат к теплу своих квартир.
И лишь мы, за руки крепко взявшись,
Весело глядим на этот мир.

Вон малыш, едва ли поспевая,
За отцом спешит, не зная луж.
Ну картина до того смешная.
Назовем её «Спешащий муж».

А за ними дамочка с бульдогом,
Не идёт – летит на красный свет.
Эй, водитель, уступи дорогу.
С пешеходом нынче споров нет.

Час за часом город затихает.
Улицы пустынно и тихи.
Только шёпот в полумраке тает
И звучат, звучат твои стихи.

Будто ангел в вышине летаю.
Польхаю от большой любви.
И своим дыханьем согреваю
Я ладошки хрупкие твои.

Юность

Ей пятнадцать, ему семнадцать.
Ширь безбрежная впереди.
Обниматься и целоваться
Не умеют пока они.

На свиданье в июньский вечер
Разговор про вчерашний день.
В голове книжный сор и ветер.
А в горячей руке – сирень.

О любви лишь пока ни слова.
И про чувства свои – молчок.
Тяжело, даже очень сложно,
Если на сердце горячо...

Лето кончилось. Снег, как вата,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.